

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.М. Логинов

*к.э.н., старший научный сотрудник,
ИНСАП РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)*

М.А. Янковская

*младший научный сотрудник,
ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)*

МАССОВЫЕ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ¹

Аннотация. На основе данных анкетного опроса студентов, получающих высшее и среднее профессиональное образование, проведённого Центром экономики непрерывного образования РАНХиГС в 2022 г., проанализирована распространённость практик социальной активности среди российского студенчества. Показано, что представители когорты российской молодёжи, получающей профессиональное образование, демонстрируют достаточно заметный уровень включённости в практики социальной активности: 15% могут быть отнесены к активным субъектам общественно полезной деятельности, а ещё около 25% характеризуются умеренной социальной активностью. В ходе исследования выявлено, что формы социальной активности молодых людей разнообразны и включают в себя как связанные с деятельностью учебных заведений, так и находящиеся в сфере внешних инициатив. Мотивационный спектр включённости в социальную активность охватывает альтруистические мотивы (желание быть полезным и изменить мир к лучшему, помочь нуждающимся), стремления к получению преимуществ в ходе профессионального обучения и при выходе на рынок труда, а также коммуникационные основания (хорошее времяпрепровождение в сложившемся круге общения или расширение этого круга). Представители студенческой молодёжи, демонстрирующие значительную социальную активность, характеризуются сравнительно развитым компетентностным потенциалом, и можно предполагать, что включённость в соответствующие практики является как пространством приложения уже сформированных молодыми людьми индивидуальных ресурсов, так и инструментом их дальнейшего накопления. В ходе исследования выявлено, что в период студенчества материальную помощь институтам, деятельность которых сфокусирована на общественной полезности, с различной периодичностью оказывают около 10% студентов. Кроме того, более трети молодых людей не исключают своей включённости в практики подобного «социального инвестирования» в будущем. По результатам исследования можно сделать вывод о позитивности выявленных масштабов включённости студенческой молодёжи в практики социальной активности, поскольку проблематизация молодёжной когортой задач общественно полезной деятельности, а также формирование личного опыта сопричастности явным образом стимулируют продуктивную социальную динамику и расширяют возможности развития страны на горизонте ближайших десятилетий.

Ключевые слова: *молодёжь, социальное поведение, социальная активность, жизненные установки, волонтерство, социальное развитие.*

JEL: Z13, J13.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_100_113.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте РФ.

Введение

Модели социального поведения, формирующиеся и закрепляющиеся в молодёжной среде, во многом определяют качество и направление развития страны на ближайшие десятилетия. При наличии общих трендов, которые задают поколенческие приоритеты, неоднородность молодёжной когорты представляется очевидной. Таким образом, комплексный анализ, позволяющий не только выявить общие масштабы распространения различных поведенческих моделей, но и реализовать дифференцированное рассмотрение их воспроизводства в различных группах молодёжи, предполагает использование специальных информационных массивов, сфокусированных на данной возрастной когорте. Такой массив получен Центром экономики непрерывного образования РАНХиГС по итогам массового анкетного опроса российских студентов в возрасте до 23 лет, реализованного в 2022 г. с использованием специально разработанного исследовательского инструментария. Одним из направлений анализа выступает выявление масштабов, форм и оснований включённости российских студентов в практики социальной активности, как уже ставшие массово распространёнными, так и лишь зарождающиеся в локальных группах студенчества. Эмпирическая информация получена на основе реализации многоступенчатой выборки, в соответствии с которой анкетный опрос реализован в восьми городах трёх регионов страны, дифференцированных по критериям географического расположения и социально-экономического развития (Санкт-Петербург, Свердловская и Ивановская области) среди молодых людей, получающих высшее или среднее профессиональное образование по различным направлениям подготовки. Совокупный объём выборочной совокупности составил 2927 респондентов.

Основываясь на работах, задающих понятийную рамку исследуемой проблематики [Христова, Комаров, Ищенко, 1972; Троцук, Сохадзе, 2014; Клеман, Мирясова, Демидов, 2010], под социальной активностью мы понимаем включённость молодых людей в поведенческие практики, сфокусированные на позитивных изменениях внешней среды, либо на решении каких-либо проблем, актуальность которых не ограничивается рационально-персоналистскими интересами акторов. Особенности складывающейся в России институциональной среды во многом табуируют проблематику общественно-политического активизма, характеризующего всё более закрытые и достаточно узкие социальные группы. При этом мы полагаем, что любая включённость молодых людей в практики, направленные на решение задач, важных для общества в целом или какой-либо его группы, является важной и перспективной. Подобная деятельность (пусть и не приводящая, в рамках категорийной дифференциации К. Клеман, к переходу её акторов из группы «обывателей» в представителей «активистов») отвечает объективным общественным интересам и способствует формированию навыков социальных взаимодействий у молодого поколения россиян.

От молодёжи можно ожидать реализации активных жизненных практик, поскольку представители этой возрастной когорты находятся в стадии накопления ресурсов и формирования собственного социального опыта, что объективизирует апробацию широкого спектра поведенческих моделей. Кроме того, молодые люди в значительно меньшей степени, по сравнению со старшими поколениями, отягощены предшествующим социальным опытом разной успешности, а также ограничены семейными обязательствами, предполагающими концентрацию ресурсов внутри собственных домохозяйств. Результаты ранее проведённых исследований подтверждают наличие запроса на социальную активность со стороны значительной части российской молодёжи [Костина, Орлова, 2022; Сохадзе, 2017; Троцук, Сохадзе, Лаврушина, 2016; Викулов, 2016]. Проблемой при этом является существенный уровень аномии среди молодых россиян [Зарубина, 2016], обуславливающий ориентации на «короткие жизненные проекты» [Кривошеев, 2009].

Те части молодёжи, которые готовы к воспроизводству активных жизненных практик, достаточно ограничены [Зоркая, 2008]. Это в значительной степени определяется спектром ценностных установок представителей данной группы, в которых существенную роль играет забота об индивидуальном благополучии и ориентация на ценности, присущие обществу потребления [Арутюнова, 2017]. Фактором, ограничивающим активность молодых людей, выступает также невысокий уровень доверия социальным институтам [Шереги, 2013].

Уровень и характер включённости студентов в социальную активность

Результаты исследования показывают, что 42% молодых людей включены в практики социальной активности в период студенчества, в том числе 15% характеризуются высокой включённостью в соответствующие практики (табл. 1). Гендерные различия тут крайне несущественны. При этом достаточно заметна дифференциация по территориально-поселенческим группам студенчества. Обучающиеся в региональных столицах почти вдвое чаще являются активными участниками общественных инициатив, а доля студентов, демонстрирующих социальную пассивность, в нестоличных городах превышает две трети опрошенных.

Таблица 1

Включённость в социальную активность в период получения профессионального образования, в % по строке

Группы	Включённость в социальную активность		
	высокая	умеренная	отсутствует
В целом	15,1	26,6	58,3
<i>Гендерные группы</i>			
Мужчины	15,2	25,2	59,6
Женщины	15,1	28,0	56,9
<i>Возрастные группы</i>			
15–17 лет	11,6	23,0	65,4
18 лет	10,7	26,1	63,2
19 лет	15,8	29,3	54,9
20–23 года	22,4	29,4	48,2
<i>Тип поселения</i>			
Региональный центр	17,5	29,1	53,4
Нестоличный город	10,3	21,7	68,0
<i>Уровень получаемого образования</i>			
Высшее	19,3	27,8	52,9
Среднее профессиональное	10,3	25,3	64,4

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Молодые люди, получающие высшее образование, отличаются значимо большей социальной активностью по сравнению с проходящими подготовку в учреждениях среднего профессионального образования (СПО). Наиболее разительные различия в данном случае отмечаются в наполненности группы высокой включённости, в которую входит каждый пятый из студентов вузов и только 10% обучающихся по программам СПО. Столь высокая дифференциация частично объясняется возрастными различиями: средний возраст обучающихся в системе СПО ниже, а для представителей наименее возрастных групп некоторые из возможностей общественной активности ограничены. Однако даже с учётом возрастного фактора очевидно, что молодые россияне, реализовавшие модель получения высшего образования, демонстрируют более активные жизненные позиции.

Представленные данные также иллюстрируют возрастную динамику социальной активности молодых людей, получающих профессиональное образование. В младших группах распространённость значительной социальной активности находится на уровне около 10%. Среди 19-летних доля демонстрирующих высокую включённость в соответствующие практики увеличивается до 15%, а в более старших возрастах – до более 20%.

Важно отметить явную преемственность практик социальной активности, демонстрируемых на различных этапах жизненного пути молодых людей. Так, среди представителей группы высокой включённости в соответствующие практики в период студенчества более 60% выступали акторами общественных инициатив на этапе школьного обучения. Напротив, подавляющее большинство опрошенных, характеризующихся пассивной моделью социального поведения, не принимали участия в общественной жизни и до поступления в учреждения профессионального образования.

Формы социальной активности, в которые вовлечены представители российского студенчества, достаточно разнообразны (табл. 2). Наиболее массовая из них — участие в студенческом самоуправлении (16% респондентов). Также достаточно распространёнными (в каждом случае — на уровне 10% и более) являются организация мероприятий в собственном учебном заведении или вне его, а также участие в экологических и социальных инициативах.

Чем старше становятся студенты, тем большая их часть получает разнообразный опыт общественно полезной деятельности. Жители региональных центров, а также обучающиеся в вузах, характеризуются существенно большей социальной активностью по практически всем направлениям её реализации. Наименьший уровень поселенческой и образовательной дифференциации отмечается в распространённости таких практик, как социальная помощь, организационное участие в разнообразных мероприятиях, а также деятельность, связанная с поддержанием локального экологического баланса.

Общественную деятельность более 70% студентов, осуществлявших её в той или иной форме, предваряла специальная подготовка. Впрочем, для большинства она состояла лишь в кратком предварительном инструктаже. При этом более половины опрошенных, участвовавших в различных формах социальной активности, не ощущали ни малейшего дефицита знаний, умений и навыков. Значительный компетентностный дефицит испытывали около 7% молодых людей, включённых в практики социальной активности, и чаще прочих — представители нестоличных городов, а также студенты, сравнительно низко оценивающие свой уровень образования и личностного развития.

Таблица 2

Формы социальной активности в период получения профессионального образования, %, допускаясь несколько ответов

Формы социальной активности	В целом	Тип поселения		Уровень получаемого образования	
		региональный центр	нестоличный город	высшее	среднее профессиональное
Участие в студенческом самоуправлении	15,8	19,6	8,1	19,6	11,4
Участие в организации мероприятий, проводимых в вузе или колледже	12,4	14,7	7,7	15,4	8,8
Деятельность в экологической сфере	10,3	11,1	8,8	10,9	9,7
Участие в организации мероприятий, проводимых вне вуза или колледжа	9,9	10,4	8,8	11,2	8,3
Социальная помощь, социальная поддержка	9,8	9,8	9,9	10,8	8,7
Участие в организации работы общественных организаций и объединений	8,7	10,0	6,3	11,1	6,0
Помощь животным	7,9	9,2	5,3	9,5	6,1
Написание материалов для СМИ, блогов, социальных сетей	5,8	7,6	2,1	8,4	2,7
Просветительская, образовательная деятельность	4,7	5,8	2,3	6,2	2,9
Донорство	4,6	6,2	1,4	6,0	3,0
Участие в работе органов местного управления	3,7	4,4	2,3	4,7	2,5
Участие в поиске пропавших людей	1,9	2,3	1,1	2,1	1,7
Участие в устранении последствий стихийных бедствий	1,2	1,4	0,9	1,4	1,0
Не участвуют ни в каких формах	58,2	53,3	68,0	52,8	64,4

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Мотивы включённости в практики социальной активности

Рассмотрим мотивационный спектр, на основе которого формируются установки участия молодых людей в практиках социальной активности. Чаще всего студенты, участвующие в общественной жизни, указывают в числе побудительных мотивов к этому желание саморазвития и личностного роста (54%), а также стремление к решению важных для социума задач (44%) (рис. 1).

Девушки, по сравнению со студентами-мужчинами, демонстрируют несколько более широкий спектр разнообразных мотиваций. Распространённость большинства позиций, на основании которых реализуются решения об участии в общественно полезной деятельности, среди женской гендерной группы фиксируется на несколько более высоком уровне, и различия составляют несколько процентных пунктов. Исключениями выступают стремление помочь конкретным людям, где отмечается гендерная симметрия, и административное влияние учебного заведения, в отношении которого выражен незначительный «мужской приоритет».

Рис. 1. Мотивы вовлечённости в социальную активность, % от участвующих, допускалось несколько ответов
 Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Можно отметить ряд закономерностей, в соответствии с которыми различаются мотивы молодых людей, демонстрирующих высокий и умеренный уровень включённости в общественно полезную деятельность. Так, наиболее активные студенты значительно чаще указывают на такие основания, как стремление к саморазвитию, желание участвовать в решении важных для общества проблем и намерение помочь конкретным людям (табл. 3).

Таблица 3

Мотивы вовлечённости в социальную активность, по уровням включённости, в % от участвующих, допускалось несколько ответов

Мотивы	В целом	Включённость в социальную активность	
		высокая	умеренная
Саморазвитие, личностный рост	54,2	63,3	48,9
Стремление участвовать в решении общественно важных проблем и задач	43,9	50,1	40,0
За компанию, для хорошего времяпрепровождения	31,2	32,9	30,1
Стремление помочь конкретным людям	30,1	35,4	27,0
Стремление помочь конкретной социальной группе	26,2	28,9	24,6
Для получения преимуществ при обучении и будущем трудоустройстве	14,9	19,0	12,9
Выполнение указаний администрации вуза или колледжа	14,1	13,2	14,6

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Для респондентов, представляющих нестоличные города, более значимым мотивом выступает желание оказать помощь конкретным людям или представителям какой-либо уязвимой социальной группы. Актуальность саморазвития и личностного роста, а также ощущения вовлечённости в решение важных для социума задач сравнительно высока среди тех, кто в период обучения проживает в региональных столицах.

Молодые люди, обучающиеся в вузах, обнаруживают более амбициозную мотивацию социальной активности с точки зрения её общественной полезности. Для представителей данной группы студенчества, по сравнению с получающими среднее профессиональное образование, более важно участвовать в решении проблем и задач, актуальных для российского социума. При этом студенты, проходящие подготовку по программам СПО, существенно чаще заявляют об административном влиянии как стимуле социальной активности (табл. 4).

Таблица 4

Мотивы вовлечённости в социальную активность, по типам поселений и уровням получаемого профессионального образования, в % от участвующих, допускаясь несколько ответов

Мотивы	В целом	Тип поселения		Уровень получаемого образования	
		региональный центр	нестолличный город	высшее	среднее профессиональное
Саморазвитие, личностный рост	54,2	56,5	47,3	56,1	51,3
Стремление участвовать в решении общественно важных проблем и задач	43,9	45,7	38,6	47,9	37,7
За компанию, для хорошего времяпрепровождения	31,2	32,0	28,9	32,8	28,7
Стремление помочь конкретным людям	30,1	27,6	37,5	28,3	32,9
Стремление помочь конкретной социальной группе	26,2	24,6	31,0	26,3	26,0
Для получения преимуществ при обучении и будущем трудоустройстве	14,9	14,4	16,6	14,6	15,4
Выполнение указаний администрации вуза или колледжа	14,1	14,3	13,7	11,4	18,4

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

При рассмотрении возрастной динамики мотивационного спектра проявляются несколько тенденций. Во-первых, основание помощи конкретным людям наиболее распространено среди самых молодых. Во-вторых, более старшие из студентов чаще участвуют в социальной активности ради хорошего времяпрепровождения и поддержания поведенческих паттернов, сложившихся в кругу друзей. И, наконец, крайне важно отметить, что с повышением возраста в мотивационный спектр социальной активности всё чаще входят стремление к решению актуальных для общества задач и желание оказать помощь представителям групп населения, которые в этой помощи нуждаются.

Отношение к институционализированным формам общественных инициатив

Важная характеристика потенциальной включённости в социальную активность и закрепления соответствующих практик на жизненном горизонте сегодняшних студентов – их отношение к деятельности функционирующих групп низовой общественной инициативы. В этом отношении ситуация достаточно оптимистична, так как более 70%

опрошенных считают, что деятельность, которую ведут большинство волонтерских объединений в России, является отнюдь не профанационной, а, напротив, нужной и полезной.

Позитивное отношение к работе российских волонтеров закреплено в сознании подавляющего большинства представителей всех демографических групп студенчества. Это позволяет утверждать, что оно является устоявшейся социальной нормой. Причём мнение о нужности и полезности работы большинства российских волонтеров несколько ярче выражено у женщин, более старших студентов, а также жителей нестоличных городов. Неудивительно, что оценки молодых людей, которые сами включены в общественно полезную работу, наиболее высоки. Однако важно отметить, что даже среди студентов, демонстрирующих в данной сфере личную пассивность, доля позитивных характеристик работы волонтерских объединений в стране достигает двух третей опрошенных (табл. 5).

Таблица 5

Оценка деятельности института волонтерских объединений в России, в % по строке

Группы	Оценка деятельности института волонтерских объединений		
	большинство выполняет нужную и полезную деятельность	большинство вряд ли можно отнести к тем, кто полезен и нужен	затруднились ответить
В целом	72,2	9,8	18,0
<i>Гендерные группы</i>			
Мужчины	67,0	11,8	21,2
Женщины	76,8	8,0	15,2
<i>Возрастные группы</i>			
15–17 лет	70,2	9,2	20,6
18 лет	72,8	9,8	17,4
19 лет	71,3	11,4	17,3
20–23 года	74,2	9,2	16,6
<i>Тип поселения</i>			
Региональный центр	70,3	10,3	19,4
Нестоличный город	76,1	8,7	15,2
<i>Включённость в социальную активность</i>			
Высокая	84,7	7,3	8,0
Умеренная	77,6	9,8	12,6
Отсутствует	66,0	10,7	23,3

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Мнение, в соответствии с которым россиянам необходимо, при наличии материальных возможностей, оказывать поддержку благотворительным организациям и группам, занимающимся общественно полезной деятельностью, поддерживает половина студентов. При объяснимо высокой доле затруднившихся с ответом на этот вопрос, не согласны с такой постановкой лишь около 20% молодых людей. Чаще прочих сомнения в необходимости изыскания ресурсов для материальной поддержки институтов социальной активности со стороны «простых россиян» высказывают респонденты-мужчины, самые молодые

из опрошенных, получающие среднее профессиональное образование, а также представители наименее обеспеченных домохозяйств.

Материальную помощь учреждениям, деятельность которых сфокусирована на общественной полезности, на регулярной или ситуативно-разовой основе оказывают 9% опрошенных. Кроме того, более трети молодых людей не исключают своей включённости в подобные практики на следующем этапе жизненной траектории, в период достижения финансовой независимости и появления стабильного источника дохода. Представители достаточно небольшой группы опрошенных, численность которой составляет 17%, уверенно постулируют безусловную незаинтересованность в подобном финансовом участии.

Таблица 6

Практики финансового участия в деятельности институтов общественно полезной деятельности, в % по строке

Группы	Практики финансового участия			
	уже помогают	пока не помогают, но планируют в будущем	не помогают и не планируют в будущем	затруднились ответить
В целом	9,0	37,4	16,6	37,0
<i>Гендерные группы</i>				
Мужчины	8,5	35,7	18,5	37,3
Женщины	9,5	38,9	14,9	36,7
<i>Возрастные группы</i>				
15–17 лет	7,4	32,0	19,3	41,3
18 лет	7,3	37,5	17,2	38,0
19 лет	10,3	39,7	15,4	34,6
20–23 года	11,5	41,0	14,5	33,0
<i>Тип поселения</i>				
Региональный центр	10,1	38,3	16,9	34,7
Нестолличный город	6,8	35,7	16,1	41,4
<i>Включённость в социальную активность</i>				
Высокая	19,9	48,0	6,6	25,5
Умеренная	11,8	43,2	11,6	33,4
Отсутствует	5,1	32,2	21,6	41,1

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Практики финансового участия в институционализированных формах общественно полезной активности в наибольшей мере характеризуют жителей региональных столиц, а также представителей сравнительно старших возрастов (табл. 6). Крайне существенно влияет на рассматриваемые практики собственная социальная активность молодёжи: среди демонстрирующих высокий уровень включённости в общественно полезную деятельность актуальными или потенциальными инвесторами выступают около 70% опрошенных, в том числе 20% уже имеют опыт подобных вложений.

Практики социальной активности в контексте личностного развития и видения перспектив

После выделения и описания групп молодых людей, которые демонстрируют различный уровень включённости в массовые практики социальной активности, представляется важным охарактеризовать представителей этих групп в контексте располагаемых ими компетентностных возможностей. Использование для этого субъективных характеристик респондентов, безусловно, ограничивает полноту оценок, поскольку вряд ли можно предположить, что значительная часть опрошенных обладают экспертизой, достаточной для компетентного восприятия имеющихся возможностей с точки зрения актуальных и потенциальных запросов внешней среды. Однако мы полагаем, что молодые люди в период профессионального обучения уже накопили социальный опыт, вполне достаточный для того, чтобы спектр их самооценок был применим с точки зрения задач качественной дифференциации.

Данные, представленные в табл. 7, показывают, что студенты, характеризующиеся высокой социальной активностью, существенно более ресурсообеспечены с точки зрения накопленных компетенций. Подобная картина иллюстрирует каждую из разнообразных составляющих личностного развития опрошенных. При этом важно отметить несколько параметров, в отношении которых различия проявляются наиболее ярко: коммуникационные способности, инициативность, лидерские и организационные качества.

Таблица 7

Самооценка уровня личных компетенций (среднее значение, от 1 до 5)

Личные компетенции	В целом	Включённость в социальную активность		
		высокая	умеренная	отсутствует
Эрудиция, общие знания о мире	3,62	3,99	3,66	3,52
Владение средствами коммуникации и получения информации	3,87	4,16	3,86	3,79
Умение систематизировать и анализировать информацию	3,76	4,08	3,78	3,67
Коммуникационные способности	3,75	4,20	3,85	3,60
Владение иностранным языком	3,10	3,42	3,16	3,00
Умение выстраивать отношения в коллективе	3,83	4,15	3,92	3,69
Исполнительность, ответственность	3,88	4,19	3,97	3,76
Инициативность, креативность	3,69	4,11	3,80	3,53
Трудолюбие	3,77	4,09	3,89	3,63
Лидерские качества	3,54	4,01	3,64	3,37
Организаторские способности	3,58	4,06	3,70	3,41
Самостоятельность	4,07	4,29	4,13	3,97
Уровень здоровья	3,95	4,11	3,95	3,91

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Путём агрегирования показателей развития всех рассмотренных выше личных компетенций, авторами на основе использования стандартных статистических показателей реализовано разделение студенческой молодёжи по трём уровням компетентностной ресурсообеспеченности. Полученные результаты позволяют характеризовать представителей студенческой молодёжи, активно включённых в практики социальной активности, как группу, существенно отличающуюся от большинства. Более 40% данной группы относятся к сравнительно высокому уровню компетентностной ресурсообеспеченности, тогда как низким показателем оценивается индивидуальный потенциал лишь 14% «общественных активистов» (рис. 2). Как можно предположить, сравнительно развитый потенциал собственных возможностей объективизирует для молодых людей большую вовлечённость в общественно полезную деятельность, в ходе реализации которой, в свою очередь, происходит дальнейшее наращивание компетенций.

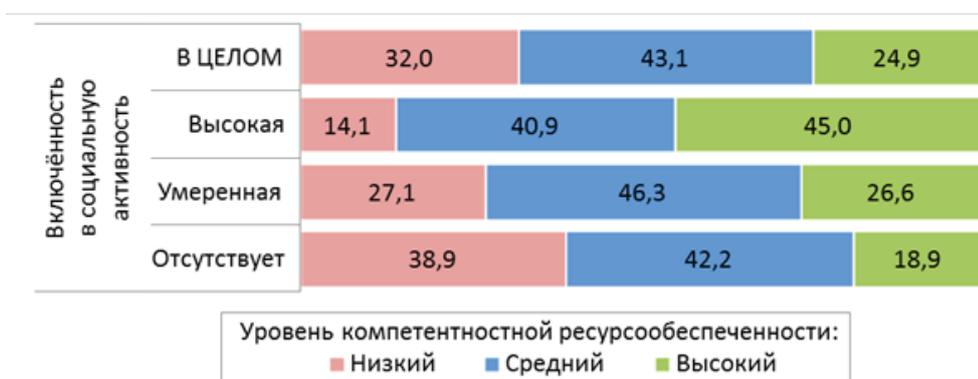

Рис. 2. Интегральный уровень компетентностной ресурсообеспеченности, по группам включённости в социальную активность, %

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Столь значительный уровень дифференциации в восприятии собственных возможностей определяет и различия в оценке молодыми людьми своих будущих перспектив. В целом, около половины студентов полагают, что на горизонте ближайшего десятилетия их профессиональная карьера будет складываться успешно. При этом среди тех, кто уже в период профессионального обучения демонстрирует высокий уровень вовлечённости в социальную активность, позитивные ожидания относительно возможностей самореализации распространяются на около двух третей опрошенных (рис. 3).

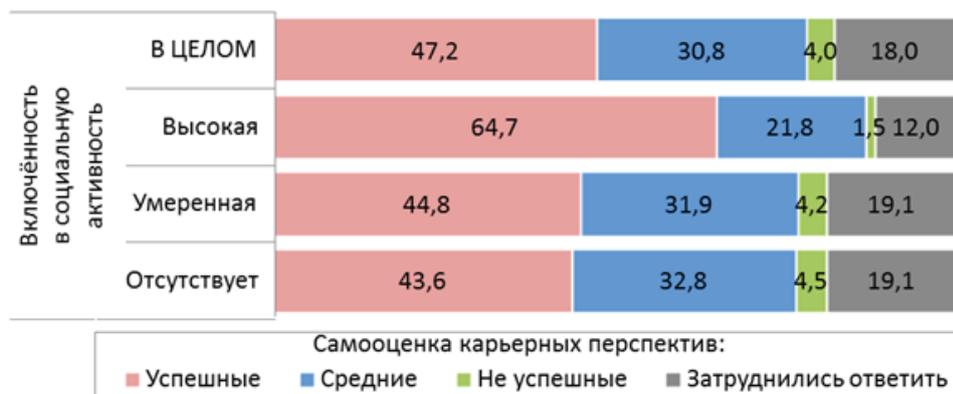

Рис. 3. Самооценка карьерных перспектив на горизонте ближайших 10 лет, по группам включённости в социальную активность, %

Источник: расчёты авторов по данным массового анкетного опроса студентов (2927 респондентов), ЦЭНО РАНХиГС, 2022 г.

Представляется важным отметить, что студенты, активно включённые в общественную деятельность и, как мы определили выше, ощущающие уверенность в будущем карьерном успехе, в наибольшей степени ориентированы на работу по найму, и особенно в государственном секторе. А молодые люди, отнесённые к социально пассивным, реже всего связывают свои профессиональные перспективы с государственными организациями и наиболее массово отдадут приоритет карьере, основанной на предпринимательской инициативе.

Основные выводы

Как показало проведённое исследование, представители когорты российской молодёжи, получающей профессиональное образование, демонстрируют достаточно существенную включённость в рассматриваемые практики: 15% молодых людей характеризуются высоким уровнем включённости, а ещё около 25% — умеренным. Представляется очевидным, что и факт, и уровень социальной активности напрямую связаны с отношением к подобной деятельности в целом, наличием пространства применения личных усилий в этом направлении, а также возможностью удовлетворения значимых для себя потребностей.

Формы социальной активности, достаточно массово воспроизводящиеся молодыми людьми, разнообразны и включают в себя как связанные с деятельностью профессиональных учебных заведений, так и находящиеся в сфере внешних общественно полезных инициатив. Мотивационный спектр деятельного участия охватывает разнообразные основания. Альтруистические мотивы молодых людей выражаются в желании быть полезным, изменить мир к лучшему, а также помочь тем, кто в этом нуждается. Личные стимулы связаны как с получением прямых персональных выгод в достижении благоприятных условий обучения и лучших возможностей будущего трудоустройства, так и с ростом собственного компетентностного потенциала, расширяющего жизненные шансы в целом. Важную роль играют также коммуникативные мотивы, описывающие хорошее времяпрепровождение в сложившемся круге общения и получение новых эмоций от общения.

Группа студенческой молодёжи, демонстрирующая значительную социальную активность, характеризуется сравнительно высоким развитием собственных компетенций. Таким образом, можно предполагать, что общественно полезная деятельность является как пространством приложения уже сформированных молодыми людьми индивидуальных ресурсов, так и инструментом их дальнейшего накопления. Активность участия в рассматриваемых практиках существенно дифференцирует студенческие группы по критерию оценки будущих жизненных перспектив. Здесь важно отметить, что демонстрирующие большой оптимизм представители молодёжи, которые вовлечены в общественно полезную деятельность, чаще связывают успешное трудоустройство с наёмной занятостью, особенно в государственном секторе. Социально пассивные на этапе студенчества молодые люди, более скромно оценивающие перспективы жизненного успеха, чаще ориентированы на самореализацию через индивидуальную предпринимательскую деятельность.

Безусловно, значительная часть социальной активности российской молодёжи является разовой и ситуативной. Кроме того, будучи основанной на административном влиянии со стороны образовательных учреждений, эта активность часто выступает в симуляционных формах. Однако даже с учётом этих обстоятельств представляется важным заключить, что отмеченная достаточно массовая включённость студенческой молодёжи в практики социальной активности крайне позитивна. Проблематизация молодёжной когортой задач общественно полезной деятельности и формирование личного опыта сопричастности явным образом стимулируют продуктивную социальную динамику и расширяют возможности развития страны на горизонте ближайших десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Арутюнова Е.М. (2017). Государственно-гражданская и этническая идентичности молодёжи: общероссийский контекст и региональная специфика [Arutyunova E.M. (2017) State-civil and ethnic identities of the youth: the national context and regional specifics] // *Россия реформирующаяся*. № 15. С. 259-272.
- Викулов А.К. (2016). Социально-политические ориентации российской молодёжи: особенности формирования и развития в обществе потребления [Vikulov A.K. (2016). Socio-political orientations of Russian youth: features of formation and development in the consumer society]. – М.: Пусайнс.
- Зарубина Н.Н. (2016). Молодёжь в условиях аномии: кто примет ответственность за будущее России? [Zarubina N.N. (2016). The youth in terms of anomie: who will take the responsibility for the future of Russia?] // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 52-63.
- Зоркая Н.А. (2008). Современная молодёжь: к проблеме «дефектной» социализации [Zorkaya N.A. (2008). Contemporary youth: on an issue of imperfect socialization] // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 4 (96). С. 8-22.
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А. (2010). От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России [Kleman K., Miryasova O., Demidov A. (2010). From philistines to activists: Emerging Social Movements in Modern Russia]. – М.: Три квадрата.
- Костина Е.Ю., Орлова Н.А. (2022). Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодёжи [Kostina E.Yu., Orlova N.A. (2022). Social activity and social responsibility in the ideas and practices of modern youth] // *Вестник Института социологии*. Т. 13. № 1. С. 129-143. DOI 10.19181/vis.2022.13.1.778.
- Кривошеев В.В. (2009). Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе [Krivosheyev V.V. (2009). Short life projects: the manifestation of anomie in modern society] // *Социологические исследования*. № 3(299). С. 57-67.
- Сохадзе К.Г. (2017). Социальная активность российской молодёжи: масштабы и факторы сдерживания [Sokhadze K.G. (2017). Social activity of the Russian youth: the scope and restraining factors] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 17. № 3. С. 348-363. DOI 10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363.
- Троцук И.В., Сохадзе К.Г. (2014). Социальная активность молодёжи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе [Trotsuk I.V., Sokhadze K.G. (2014). Social activity of youth: approaches to the assessment of forms, motives and factors in the contemporary Russian society] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. № 4. С. 58-74.
- Троцук И.В., Сохадзе К.Г., Лаврушина А.И. (2016). (Не)институциональные форматы социальной активности российской молодёжи (по результатам экспертных и массовых опросов) [Trotsuk I.V., Sokhadze K.G., Lavrushina A.I. (2016). (Non)institutional forms of social activity of the Russian youth (the results of expert and mass surveys)] // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. № 6-7. С. 108-113.
- Христова И.Ч., Комаров Е.Г., Ищенко Т.В. (1972). Пути формирования социальной активности личности при социализме [Hristova I.Ch., Komarov E.G., Ishchenko T.V. (1972). Ways of formation of social activity of personality under socialism]. – М.: Мысль.
- Шереги Ф.Э. (2013). Российская молодёжь: настроение, ожидания, ценностные ориентации [Sheregi F.E. (2013). Russian youth: mood, expectations, value orientations] // *СОТИС – социальные технологии, исследования*. № 4(60). С. 20-36.

Логинов Дмитрий Михайлович

loginov-dm@ranepa.ru

Dmitry Loginov

PhD (Econ), Senior Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration. Moscow, Russian Federation.

loginov-dm@ranepa.ru

Янковская Марианна Алексеевна

yankovskaya-ma@ranepa.ru

Marianna Yankovskaya

Junior Researcher, Center of the Economics for Continuing Education, Institute of Applied Economic Research, The Russian Presidential Academy of National and Public Administration. Moscow, Russian Federation

yankovskaya-ma@ranepa.ru

STUDENT YOUTH' SOCIAL ACTIVITY MASS PRACTICES

Abstract. Based on the data of the questionnaire survey among students obtaining higher and secondary vocational education held by the Center of Economy of Continuous Education of RANEPA in 2022, the prevalence of social activities' practices among Russian students has been analyzed. It has been shown that representatives of the Russian youth cohort obtaining professional education demonstrate quite significant level of engagement into social activity practices: 15% of them may be referred to socially useful activity actors and around 25% are characterized by moderate social activity. Within the intercourse of the survey there has been revealed that forms of social activity are diverse among young men and include activities as related to the activities of educational institutions as efforts involved in the sphere of external initiatives. Motivational spectrum of involvement in social activity covers altruistic motives (desire to be useful and to change the world to the better, to help to those in need), pursuit of personal goals such as receiving advantages while vocational education and entering labour market, and communicational bases too (having nice time in in the established circle of communication or the expansion of this circle). Representatives of the student youth who demonstrate significant social activity are characterized by comparatively developed competence potential and it may be assumed that engagement into corresponding practices is both the space for application of individual resources already formed by young men and a tool for further accumulation of the resources. The survey has revealed that about 10% of students provide financial assistance with varying frequency to institutions whose activities are focused on public utility. Besides, more than a third of young men do not exclude their involvement in the practice of such "social investment" in the future. According to the results of the survey it can be concluded that the revealed extent of the students' involvement into practices of social activity is positive, since the problematization of socially useful activity tasks by the youth cohort and development of personal experience of involvement explicitly stimulate productive social dynamics and enhances the opportunities of the country's development on the horizon of the nearest decades.

Keywords: *the youth, social behaviour, social activity, life values, volunteering, social development.*

JEL: Z13, J13

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Логинов Д.М., Янковская М.А. Массовые практики социальной активности студенческой молодежи // Вопросы теоретической экономики. № 1. 2023. С. 100–113. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_100_113.

FOR CITATION: Loginov D., Yankovskaya M. Student Youth' Social Activity Mass Practices // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 1. 2023. Pp. 100–113. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_100_113.